

Леонид СИМАЧЕВ

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

РАССКАЗ

В конце ноября здесь часто шли дожди, а он приехал в шубе. Шелихов знал это, но там, откуда он приехал, стояла уже зима, и клясть себя надо было только за то, что поленился взять плащ. Шелихов приехал всего на неделю и думал, что все обойдется. Когда он собирался, ему, впрочем, было плевать на все — он пять лет не был во Владивостоке.

С утра тоже шел дождь, сдабриваемый временами холодными порывами ветра. Поэтому, выйдя из гостиницы, Шелихов сразу же свернул в столовую. Далеко идти не хотелось, а в этой столовой вчера был салат из свежих огурцов: не из тепличных, длинных, в целлофане, а из хороших, деревенских, казалось ему, русских, одним словом.

И сегодня они были — это Шелихов определил по запаху. Он любил вкусно покушать, не сытно, а вкусно, к тому же не курил, и обоняние у него было отменное. Он не спеша снял шубу. Близоруко прищурившись, пригладил волосы у зеркала и, взяв номерок, направился за подносом.

Было рано. Столики еще пустовали, и он расставил тарелки на первом попавшемся. Посолил огурцы, плеснул на них еще сметаны из стакана и стал тщательно перемешивать.

— Ешь, — донеслось до него. — Ешь... Смотри, как дядя делает.

Шелихов почувствовал, что на него смотрят. И, видимо, давно. Он поднял голову. За соседним столиком сидели женщина и мальчик лет пяти-шести. Мальчик неохотно ковырял в огурцах вилкой, держа ее как карандаш. А женщина в упор смотрела на Шелихова.

Шелихов сжевал пластик, машинально еще один, и еще, потом поднял голову снова. Женщина уже смотрела в окно.

«Неужели?» — подумал он. Как бы между прочим надел очки. Украдкой посмотрел на нее, взглянул на мальчика. Тут женщина повернула голову и поймала его взгляд. Шелихов рывком уткнулся в стол. Сомнений не было. Это — Алька.

Он видел в окно, как они, шагнув наружу, свернули в сторону Колхозной. Шелихов бросился к гардеробной, торопливо накинул шубу и выскочил следом. Перебежал перед медленно ползущим трамваем наискосок улицу, перепрыгнул через трубчатый барьерчик и скорым шагом поднялся к Дзержинской.

Они стояли у троллейбусной остановки. Алька держала над собой зонт, и мальчик жался к ее ногам. Они сели, когда подошла «двойка». Троллейбус тронулся на разворот, и Шелихов отпрянул за шиты с рекламой. Бесцельно постоял на перекрестке и медленно побрел вниз.

А было это в начале семидесятых. Лично для Шелихова это было уже давно. А иначе он бы так сюда не стремился. Шелихов дорабатывал тогда последний год из положенных трех после окончания море-

Леонид Алексеевич Симачев родился в Сквородино Амурской области.

Работает там же инженером на телевизионной приемной станции «Орбита».

Окончил Литинститут имени А. М. Горького.

Его рассказы публиковались в альманахе «Приамурье мое — 79», в журналах «Октябрь» и «Студенческий меридиан».

ходки. Оставался последний рейс. Ремонт близился к завершению. Февральско-мартовские дни, как и ресторанные вечера, тянулись однообразно. То на вахте — неспешно, одиноко, в нудном ожидании различных комиссий, друзей, погрузки... То — стремглав, быстрее-быстрее, жадно, захлеб.

Вот и в тот хрустящий подмерзшей слякотью вечер они после ресторана ввалились в пустую «двойку»: в такси всем скопом не разместились. Разомлевший Шелихов и не заметил, как в троллейбусе его убаюкало. Понял это лишь на конечной, когда проснулся от легких тычков в плечо.

Друзей и подружек не было, кроме одной, которая вежливо его будила. Она была самая невзрачнейшая из компании, — а может, это казалось оттого, что неброско одета, — но уж Шелихов никак не собирался с ней пойти, и вот оказывается, что и живет-то она у черта на куличках. Он мысленно ругнул друзей, которые так легко освободились, так сказать, от них. Надо же было умудриться заснуть!

Шелихову хотелось спать, и он молчал, сдерживая зевок, когда они шли между однообразных, длинных деревянных общежитий. Отсветы от кое-где горящих окон матово сверкали на заледеневшей асфальтовой дорожке.

— Бараки... — буркнул Шелихов.

— Зато внутри хорошо, — возразила она. — Тебя как зовут?

— Шелихов... — помолчал и пояснил: — Мне не нравятся многие имена, свое тоже. Поэтому люблю прозвища. И особенно не люблю, когда меня громко окликают «Валентин!..» А тебя?

— Алла.

— Ну вот, — Шелихов поморщился. — Буду звать Алька. И вот что, Алька, я смотрю, они у вас тут все одноэтажные. — Он кивнул на бараки. — Ты тоже в таком живешь?

— Вот он.

— Я сплю на ходу. Можно у вас где-нибудь перекантоваться? Я в окно потихоньку... Туфли на мне мягкие, почти не хрустят. — Он потоптался. — Слышишь?.. Я понимаю, что неудобно, но иногда такое состояние бывает, что готов прямо на любой скамейке упасть, ей-богу! И именно сейчас, сию минуту...

— Крайнее окно, — прервала она его и показала рукой. — Минуты через три подойди...

В комнате стояли две кровати. На одной спали.

Шелихов осторожно, чтобы не скрипнуть, сел на одеяло свободной, расшнуровал туфли, аккуратно поставил их и с наслаждением вытянулся, мягко провалившись на панцирной сетке. Уже в полусне накинул на себя пальто.

Он рано утром проснулся, почувствовав чужой уют. Тихо собираясь, огляделся. Его кровать стояла у двери узкой, чуть-чуть пошире

окна, комнаты. Наискосок, у окна, другая. Там спали вдвоем.

Легонько открыл окно, воровато спрыгнул, опять же тихо прикрыл створки. В комнате, кажется, так и не услышали.

Через два дня у них на ходовых испытаниях заклинило гребной вал. Судно на буксире притащили опять в завод.

От нечего делать Шелихов взял вечером вина, коробку конфет и на такси помчался к Альке через весь город.

В сумерках долго ходил между зеленых дощатых барачков-пеналов, пока не нашел нужный. Нерешительно стукнул в темное окно. И неожиданно для себя испугался, когда оно, звякнув, приоткрылось.

— Здравствуй, Шелихов.

— Извини меня, — вместо приветствия сказал он. — Неудобно получилось тогда. Держи. — Он протянул ей свертки. — Можно я к вам войду?

— Да влезай уж, Шелихов, чего обходить.

Она щелкнула шпингалетом, задернула шторы, потом прошла и включила свет.

— А почему одна? — спросил он, щурясь от яркого света.

— Только что ушла, она работает в смену.

Шелихов помялся.

— Я на днях в море должен был... А у нас сегодня на ходовых что-то в машине полетело. Механики говорят — тормознемся... На месяц, не меньше.

— А ты кто, Шелихов?

— Штурман.

— Значит, и капитаном будешь?

— Наверяд ли...

У нее был прямой, немного заостренный нос, короткая стрижка. Она была хрупка на вид, вернее, так казалось, из-за серой водолазки и широкой юбки, что были на ней. «Похожа на птичку, — подумал Шелихов. — Да, и глаза вот близковато посажены». Но страшненькой она ему сегодня отнюдь не казалась. Просто в ресторане она слишком суховато себя вела, сдержанно, в отличие от других. Даже Вовчик, который был очень пьян, ее не приглашал, или, что вернее всего, она ему отказала.

— Улыбнись, — говорил Шелихов, когда они выпили. — Ты какая-то с грустинкой и похожа на птичку, если сильно серьезная... Ешь конфеты.

— Боюсь, а вдруг я стану похожа на белку или бурундука, грызущих орехи?.. — рассмеялась она.

— А ты ничего, славная. Поняла меня тогда. Я, по правде, и не ожидал, думал, замучаюсь здесь такси ловить, да и вообще — как отсюда выбираться?..

— Но сегодня-то, слава богу, вид у тебя не смертельно усталый...

— Нет, — как отрезал, твердо оборвал Шелихов. — Я очень хочу спать, Алька.

— Шелихов, ты же извиняться пришел, Шелихов... — громко шептала она, ухватившись обеими руками за одеяло. — Шелихов...

В постели ее хрупкость стала яростно упругой и еще более притягательной. «Что я делаю... — словно гарпуном, пронзило совершенно трезвую голову Шелихова. Но эта яркая мысль была такой же и короткой, мгновенной, как выстрел из гарпунной пушки. — Зачем?... А, все равно...» — вяло, тупея от страсти, думал Шелихов, встречая уставшее и ставшее столь же вялым сопротивление.

Теперь ему было куда пойти.

Эту фразу, когда-то услышанную им, а может, и прочитанную, он любил повторять после ресторана, навеселе, когда его друзья разъез-

Жались по пароходам, а он приподнимал палец вверх и, как ему казалось, с загадочным видом глаголил им: «Нужно — чтобы каждому было куда пойти», — брал отдельное такси и мчался через весь город — сильный, уверенный, немножечко наглый, ибо для того, чтобы стукнуть среди ночи в окно, нужно быть чуть-чуть наглым.

Алька его всегда впускала. Ночами иногда просыпалась и, вжавшись лицом в костистую грудь Шелихова, шептала: «Зачем я тебя пожалела тогда, а?.. Шелихов?..» Он просыпался, слушал ее приглушенный, обжигающий грудь шепот и молчал. «Я гадкая. Она меня вправе презирать, правда же...» С некоторых пор ее отношения с соседкой по комнате стали натянутыми. Шелихов лохматил ее короткие волосы, прижимая еще сильнее к груди, и она затихала.

Раза два она затащила его вечером в окраинное кафе, которое было недалеко от общежития. Там было много заводских, и ей нравилось на виду у всех слегка кокетничать с Шелиховым. С большим и красивым Шелиховым, который чувствовал это и даже подыгрывал ей.

В одно из воскресений они на электричке уехали за город. Торопясь, безвкусно пообедали в переполненной станционной «стекляшке». А потом поднялись в сопки, прочь от залива, санатория, дач, от шума и скрежета проходящих поездов.

В сопках еще ноздревато стыл снег, но на южных склонах большими конопушками тепловато вылезли хвойно-желтые проплешины. Одну из них они облюбовали и сели.

Шелихов не сразу, с трудом поджег старый трухлявый пенек, обложил его шишками и прошлогодней хвоей, которая вначале темнела, пахуче исходила едко-желтым дымом, а потом вспыхивала трескуче-колючим пламенем. Вершины сосен ласкал ветер, залетавший с залива. Порой он налетал сильными порывами, и сосны шумели, а ветер по кругу — с севера на юг через запад — бился среди сопок, затихая, и дым от костра так же по кругу обволакивал сначала Альку, которая, зажмурившись, припадала к плечу Шелихова, а следом и самого Шелихова, вдохнувшего впрок чистого воздуха.

— Слышишь?.. — вдруг встрепенулась Алька и запрокинула лицо кверху.

Прищурившись — у него тогда уже начинало портиться зрение, — он стал всматриваться в небо.

— Воробьи, что ли?

— Нет, Шелихов, это вороны.

Высоко в небе, как две хвоинки в родниковом омутке, кружились, неспешно полоскаясь в воздушных струях, две птицы. И, словно по спирали, сверху вниз, накатывалось, то усиливаясь, то стихая: «Кру-у... Кру-у... Кру-у-к!..»

— Воркуют... — сказала Алька. — Они начинают рано, еще в феврале... Ты знаешь, — взбудоражилась она, — вот принято говорить, что воркуют голуби. А еще говорят — гулят, и мама у меня так тоже говорила, и вот это, пожалуй, правильней. А вот воркуют вороны... Да и корень даже общий: вороны воркуют... Прислушайся только...

— Постой, так ворона, это что — совсем другое?..

— Конечно. — Она стояла, прислонившись спиной к сосне. Лицо, покрасневшее от костра, по-прежнему вздернуто к небу. — Воронов гораздо меньше, чем воробь, и к жилью человека они подлетают очень редко. Это скрытная птица. Лишь в стлтые зимы очень ранним утром, и кормятся молча, и так же молча улетают в тайгу. И гнездо у них в одном и том же месте всегда, они живут оседло. Если верить легенде, что они столетия живут, представляешь, очевидцами чего они только не были? — Она развернулась к Шелихову.

— Сядь, птичка, — ласково пригласил он к костру.

— Не смейся. — Она присела у костра и положила голову Шелихову на колени, все так же глядя в вышину. — Они видели первые фрегаты, вошедшие в этот залив, первый паровоз, а может, они были на Камчатке и первые приветствовали твоего знаменитого однофамильца, — стрельнула она снизу глазами. — А главное... Главное — они однолюбы. Паруются они на всю долгую жизнь... Сто лет одиночества... — Она вдруг умолкла и резко выпрямилась.

— Откуда ты все это знаешь?

— На биофак поступала. Вечерет, — передернула плечами. — Пойдем, Шелихов.

Оттаявшие полянки второпях покрывались льдистой корочкой, которая, в лучах скатившегося солнца, поблескивала сахарными петушками. Ветер стих. Звон от хруста под ногами, казалось, зависал на шишкато-смолистых ветках.

Шелихову было хорошо, и, чтобы сделать Альке приятное, он на обратном пути сам предложил поужинать в заводском кафе. Одежда все еще пахла костром, в ноздрях стоял клейкий запах весенних сосен, из музыкального автомата несло про Манчестер и Ливерпуль, красное вино было терпко в меру, как раз к мясу, ноги в тепле натруженно ныли — словом, Шелихову было хорошо. Это особенно приятно в преддверии рейса.

— Ты что ковыряешься? — спросил он Альку, лениво начавшую было резать антрекот, а потом бросившую нож. — Неужели не проголодалась?

— Сейчас бы курочку... — мечтательно ответила она.

— Так что молчала-то, сейчас закажем. — Он стал торопливо прожевывать мясо. — Минуту, — сглотнув, он развернулся к официанту.

— Да нет, Шелихов... Я о домашней говорю. Посмотри завтра на рынке курицу, а я ее так приготовлю — пальчики проглотишь! С лимоном ел?

— Нет, — удивленно ответил Шелихов. — Как это, с лимоном?..

— И я нет. Но вот хочется с лимончиком — и все! Втемяшилось в голову. И вообще, по-моему, я беременна. — Она схватила Шелихова за руку. — Только ты ничего не думай! Ни о чем не беспокойся, хорошо? Да не пугайся ты, Шелихов... Бога ради, не переживай! — Теперь она держала его за палец, но Шелихов высвободил и его. — Все обойдется, Шелихов... Ну, улыбнись!.. Ты же сильненький какой. — Она вновь схватила его ладонь и потянула танцевать.

Но на другой день Шелихов не купил курицу. Он просто не мог. Не вышел на вахту третий помощник капитана, и Шелихов стоял вахту за него, следующие сутки — за себя. Затем вновь нахлынули ходовые испытания, погрузка продуктов. Приказ — всем быть на борту: в любой момент могли уйти на рейд. Короче, отходная горячка захлестнула его. Разумеется, можно было выкроить часок, но прошло уже несколько дней, и она могла подумать, что он испугался, смалодушничал, и его объяснения показались бы надуманными оправданиями. Да и, в конце концов, если так сложились обстоятельства, он же не намеренно отлынивал от встречи, совесть его чиста...

В море, на вторые сутки, когда все земные служебные хлопоты остались позади и началась размеренно-устремленная морская жизнь, он с ужасом вспомнил, что даже не знает фамилии Альки. Спрашивал когда-то и забыл.

Вначале он чувствовал себя неудобно. Можно сказать, подлешом. Но началась охота, все притерлось, месяц шел за месяцем. Тут тяжело заболел отец. Навалились новые заботы. И он успокоил себя тем, что она же сказала — не беспокойся... И в тот вечер, к тому же, они больше к этой теме не возвращались...

В день прихода он получил телеграмму о смерти отца и вылетел

на похороны. Вернувшись, взял расчет, «завязывая» с морем. А когда тебе кажется, что уезжаешь навсегда, что ты действительно «завязал» с этим местом навсегда, то хочется уехать как можно скорей. Покинуть все, обрубая концы, что он и сделал.

— Слушай!.. Но ты вот задумался когда-нибудь о смысле жизни капитально? — мучил Шелихов командированного, сидевшего с ним за ресторанным столиком. — Чтобы до боли, чтобы несколько дней, чтоб вот спать не мог?.. А?..

Весь день он понемногу пил, но спасительное расслабление не наступило. Тяжелый хмель сдавливал голову, лишь на какие-то минуты отпуская после очередной порции, чтобы навалиться еще грузнее.

Шелихов порядком надоед соседу, и тот в ответ раздраженно мычал междометиями.

— Не хочешь отвечать, да? Не хочешь, как говорит мой друг, за жизнь ничего сказать?..

В «Золотом Роге», как всегда, было много приезжей публики. «Да ведь и я чужой», — отметил про себя Шелихов. Он был не настолько пьян, чтобы так нудно привязываться к человеку, но и не настолько трезв, чтобы сидеть молча. Он жаждал действия, вернее, предчувствовал его.

— Не желаешь, значит, Викентий...

— Вениамин, — поправил командированный.

— А... все равно... Имена у нас с тобой, брат... Слушай! — заерзал в кресле Шелихов. — Скажи мне, чем отличается ворон от вороны?..

— Это что, загадка-анекдот, что ли?

— Какой еще анекдот. — Шелихов помрачнел. — Что ты знаешь о кукушках? — вдруг строго и трезво спросил он.

— Ну... кукуют, — опешил от неожиданного поворота событий Вениамин. — Чужие гнезда вроде разоряют...

— Ну уж не-е-ет, — перебил Шелихов. — Им чужие гнезда во как нужны. — Он провел большим пальцем у воротничка. — Потому что у них своего гнезда нет, не было, а может, и было когда-то, черт их разберет, но сейчас нету, и желания его заводить они не испытывают, и совесть их, понимаешь, не мучит!..

— Вспомнил, вспомнил... — поддакнул Вениамин. — И цветочки есть такие, синенькие... Кукушкины слезки называются! Мол, кукушка распихивает своих детей по людям.. — он запнулся, — это я образно, а потом летает и плачет, и где слеза упадет — там и цветочек, фиолетовенький такой... Все больше по низинкам, в болотцах, в кочке...

— Разновидность ириса, — глухо произнес Шелихов.

— Что?.. Не знаю. У нас так и зовут — кукушкины слезки.

— В низинах, говоришь, в болоте. Вот и я весь в тине. Прожил три десятка, как в болоте просидел. А вроде бы мотался по свету... И здесь... и там. С кочки на кочку прыгал, но так никуда и не выбрался...

Вениамин протянул пачку с сигаретами. Шелихов отрицательно мотнул головой, допил рюмку и поднялся.

— Я пошел, — сказал он. — Прощай. Ты хороший мужик, Венедикт. — И, в подтверждение сказанному, он поднял сжатый кулак.

Таксист подождать отказался, а настаивать Шелихов не решился: он предугадывал, что это надолго. И вот он бродил под холодным дождем среди одиноких бараков, выискивая тот далекий, по-ночному знакомый, каждый раз придиричиво проверяя по сохранившимся в памяти приметам: тот или нет? Он боялся ошибиться.

Долго разговаривал с вахтершей, с жильцами. Длинно и путано объяснял. Звонили на завод, спрашивали у ночной смены, потом еще где-то.

Когда он вышел наружу, твердя про себя набор из пяти цифр — номер дома и квартиры, — дождь лил еще пуще. Шелихов чувствовал себя как в горячке. В каком-то сомнамбулическом состоянии он спустился к троллейбусной остановке и там остановил первую же машину.

— ...Где-то в этом краю улица имени Чапаева... На ней несколько многоэтажных домов... Окажите любезность, пожалуйста...

Коридор малосемеек с десятью дверями... Следы за ним от мокрых ног... и капельной россыпью — с набухшей сосульчатой шубы. Все плывет перед глазами... ах, это очки запотели... Нужная дверь, звонок...

— Входи... Я не ошиблась: это был ты, Шелихов... Ну как, стал капитаном? — Она стояла, запахнувшись в халат, все такая же хрупкая на вид и похожая на птичку, а точнее, на взрослую-взрослую птичку...

Из комнаты, раздирая глаза, прошлепал мальчик и, прижавшись, сбнял ее за ногу.

— Проснулся?..

— Ты кто? — враз оживившись, произнес мальчик. — Такой поздний дяденька...

— Это Шелихов, сынок. — Она погладила его волосы. — Просто Шелихов... Иди, Сережа, спи. — Она подтолкнула его обратно. Прошла в ванную и вынесла полотенце: — Ты сейчас похож на бобра, Шелихов. — И пошла укладывать сына.

Не снимая шубы, с полотенцем в руках, он тихо сел на пол, вытянув ноги вперед. Вытер лицо, яростно растер волосы. Капельки воды на шее бежать перестали.

— Кажется, я становлюсь никем, Алька, — как бы отвечая на вопрос сам себе, сказал Шелихов.

Отдыхая, он ненадолго расслабился: ему нужны были силы на обратный путь. Много-много сил потребуется уйти, чтобы вернуться.